

островов в районе Шпицбергена. Один из них носил название «Марфин остров», а целая группа островов на карте 1569 г. Г. Меркатора названа «святыми русскими».⁷

Плавание Митрофана, датируемое первой четвертью XVI в., «в край» Баренцова моря — новое свидетельство того, что намного раньше «официального» открытия Шпицбергена В. Баренцом (1596 г.) морские пути к нему были ведомы нашим отважным поморам. В следующем «чуде» Зосимы и Савватия повествуется об одном, очевидно, хорошо известном в Поморье случае зимовки двух промышленников на Шужмай (ныне — Жужмуи) — острове Онежского залива. Сюжет этого рассказа перекликается с известной повестью XVIII в. о четырех русских матросах, занесенных на необитаемый остров Шпицбергеновского архипелага, где они провели четыре года и три месяца.⁸ Необходимо отметить, что рассказ о двух робинзонах-зимовщиках, изложенный в Житии, подан в более реалистической манере, чем в повести XVIII в., где много вымышленных ситуаций. Вот что вкратце рассказано в Житии о зимовке на Шужмае.

Около этого необитаемого острова, расположенного к югу от Соловков, осенью разбило судно двух промышленников. А так как время было позднее и возвращаться на сушу было не на чем, промышленники зазимовали. Не ясно, чем питались они, так как продовольствие и все их снасти погибли во время кораблекрушения. Прошла зима, и только весной к острову прибыло судно, на котором были соловецкие монахи Савватий и Феропонт. Монахи застали на острове такую картину: «В некоем месте при Камени храмину малу, в ней же два человека нага и гладна и ногам их гниющим зело. Токмо еле живы».⁹ Завидев своих спасителей, люди «начаша кричати» от радости.

После того как робинзоны несколько привыкли к пище, которую им давали понемногу, монахи посадили их в судно и пошли назад. Путешествие на Соловецкий остров прошло не без труда: малая монастырская лодыца едва пробилась среди тяжелых льдов. Так закончилась эта первая из известных нам героическая зимовка почти у самого полярного круга двух храбрых поморов. Церковь объясняла благополучный исход ее вмешательством старцев Зосимы и Савватия, которые якобы приходили на остров зимой и оказали им помощь. Но даже из Жития видно, что не очень-то щедрой была эта «помощь», если монахи застали зимовщиков в столь плачевном состоянии. Благополучный исход зимовки — всецело заслуга самих поморов, привыкших переносить лишения и невзгоды; все же остальное — выдумка монаха-книжника.

В «чуде о брате Протасии и о страждущих человецех в седми судех» говорится, как семь поморских судов, будучи на весновальном промысле в Белом море, попали в несколько необычный ледовый плен. Монах Протасий, в прошлом промышленник-зверобой, рассказал, что в первый день пасхи «прииде на нас буря ветреная велия и трус велик в море, и подвижеса море от зельного дыхания ветреного». Случилось это во время стоянки судов у кромки льда. «И нача быти подо льдом зыбь велика, яко не мощно нам на леду стояти от нужда волн морских».¹⁰ Затем суда отнесло ото льдов и бросило в открытое море. Промышленникам угрожала смерть. Даже старые и опытные мореходы, говорит Протасий, увидевшие всякие виды, «не упомнят такова и толика труса морскаго». Спустя несколько дней суда

⁷ М. И. Белов. Арктическое мореплавание..., стр. 67.

⁸ Ле Руа. Приключения четырех русских матросов на Шпицбергене. Л., 1933.

⁹ Сол. собр., № 1384/16, лл. 80 об.—85.

¹⁰ Сол. собр., № 1384/16, лл. 152 об.—155 об.